

ПАРТИЙНАЯ ЖИЗНЬ В ВОРОНЕЖЕ ВЕСНОЙ 1917 ГОДА

Е. А. Зверков

Воронежский институт МВД России

Поступила в редакцию 5 февраля 2022 г.

Аннотация: изменения в политико-правовом поле, наступившие в марте 1917 г., предоставили кратковременную возможность свободного развития любых политических движений и партий. Партии либерального направления сумели сохранить доверие средних городских слоев, разделив его с народными социалистами, но оказались численно и организационно подавлены социалистическими течениями – эсерами и большевиками. Пытаясь действовать в рамках законного противостояния, основанного на уважении к праву, личности и частной собственности, кадеты лишились всех шансов на лидерство. Вместе с тем, реальные программные различия между либерализмом и социализмом в провинции в первые недели революции были едва различимы. Внешний радикализм Партии социалистов-революционеров имел в основании причудливую смесь бунтарства и стремления к сохранению правопорядка. В свою очередь, радикализм большевиков по большей части подпитывался установками из Петрограда и нашел свое окончательное воплощение только с приездом приезжих большевиков, составивших ядро будущего переворота в губернии.

Ключевые слова: эсеры, большевики, кадеты, 1917, Февральская революция, Воронежская губерния.

Abstract: the changes in the political and legal field that occurred in March 1917 provided a short-term opportunity for free development of any political movements and parties. Liberal parties managed to retain the trust of the middle urban strata, sharing it with the People's Socialists, but were numerically and organizationally suppressed by the socialist movements – the Socialist Revolutionaries and Bolsheviks. Trying to act within the framework of a legitimate confrontation based on respect for law, personality and private property, the cadets lost all chances for leadership. At the same time, the real programmatic differences between liberalism and socialism in the provinces in the first weeks of the revolution were barely discernible. The external radicalism of the Socialist Revolutionary Party was based on a bizarre mixture of rebellion and the desire to preserve law and order. In turn, the radicalism of the Bolsheviks was mostly fueled by installations from Petrograd and found its final embodiment only with the arrival of visiting Bolsheviks, who formed the core of the future coup in the province.

Key word: Social Revolutionaries, Bolsheviks, cadets, 1917, February Revolution, Voronezh province.

Февральская революция – это революция надежды, и ее основание подпитывалось юношескими мечтаниями о счастливой жизни, неизбежной после свержения опостылевшего Николая. К тому времени фигура царя деферсонифицировалась в общественном мировосприятии: он стал олицетворением (во многом несправедливым) общественных пороков. Продажность, произвол, иезуитски-мертвая деятельность бюрократической системы (рекрутировавшаяся из того же самого «народа»), огрубление общественных нравов – все это по привычке канализировалось и находило свое воплощение в лице царя и – в смутном виде – в лице государственной структуры управления в целом. Неудивительно, что молодежь выступила в качестве наиболее убежденного противника самодержавия и массово вливалась в левые политические движения.

Она же стала ударной силой вышедших из политического подполья социалистических партий. Недаром В. И. Ленин еще в 1905 г. твердил о необходимости вовлечения молодежи в лагерь социализма:

«Уверяю Вас, что среди нас есть какая-то идиотская, филистерская, обломовская боязнь молодежи. Умоляю: боритесь с этой боязнью всеми силами» [1, с. 13].

Призыв Ильича нашел свое отражение в возрастной структуре провинциальных лидеров социализма. В Воронеже основной части лидеров большевизма не было и 30 лет. Наиболее возрастным – первому председателю воронежского горкома социал-демократов Сергею Турчанинову и его сменщику Николаю Кардашеву – было едва за сорок. С одной стороны, эмоциональная импульсивность и фанатичная преданность делу имели ключевое значение на первоначальном этапе становления городской партийной организации, не позволили ей кануть в Лету. С другой стороны, недостаток опыта общественной и политической работы долгое время не позволял набрать необходимых темпов завоевания популярности среди городского населения. Добиться признания деревни и вовсе не удалось – в последующем это отразится и на ходе выборов в Учредительное собрание, и на долгом, тяжелом процессе установления и легитимации Советской власти.

Аналогичным образом подобрался состав эсеров. Наиболее знаковым фигурам Партии социалистов-революционеров (далее – ПСР) в Воронеже – Матвею Коган-Бернштейну, Константину Соплякову и Арсению Михайлову – на 1917 г. было всего 30, 29 и 22 года соответственно. Еще более интересен их социальный состав. Лишь незначительная часть социалистических лидеров была выходцами из бедных семей, близких к социальному дну (Иван Чуев из небогатой семьи священника, Иван Врачев, по его словам, из семьи кочегара и прачки [2, с. 73–74]). Многие, напротив, относились к сравнительно уважаемым группам населения: дворянин Михайлов [3, л. 182], выходец из купеческой еврейской семьи Люблин [4, л. 2], работник банковской сферы Коган-Берштейн.

Еще более богата география социалистических миссионеров – от Могилева до Саратова. Заезжие большевики, не связанные с местной городской средой, действовали более агрессивно, не будучи связаны какими-либо отношениями. Ключевым для воронежской большевистской организации стал июльский приезд А. С. Моисеева, связанный, по всей видимости, с преследованием столичных большевиков после несостоявшегося июльского путча. Кроме него приехали В. И. Невский и И. Я. Жилин. Прибытие в Воронеж опытных и незаурядных организаторов морально и практически усилило местную ячейку, активизировало работу, помогло большевикам начать улучшение непростой ситуации.

Создание городских партийных организаций было лишь первоначальным этапом партийной жизни. На втором этапе требовалось наладить партийную дисциплину, способствовать созданию уездных партийных организаций и создать с ними устойчивую связь. Вплоть до самого конца февральско-октябрьского этапа революции эта связь так и осталась эпизодичной и ненадежной. Поэтому лидеры губернских комитетов – как социалистических, так и либеральных – по сути дела руководили только воронежскими городскими ячейками. Руководство было коллективным, с сильным фракционным влиянием. При формальном лидере эсеров Коган-Бернштейне, некоторое время игравшем роль первой скрипки Совета, не меньшим партийным влиянием обладал Сопляков, а амбициозный Кобытченко не без успеха боролся за власть в официальных административных структурах губернии.

Формальным лидером большевиков считался первый руководитель объединенного социал-демократического горкома С. Турчанинов. Однако хаотичность работы большевиков вплоть до приезда Моисеева указывает на сложности, испытываемые им в организационной работе. Турчанинов продолжал подписывать документы в качестве руководителя воронежской партийной организации и после разделе-

ния с меньшевиками. Это тем примечательнее, что впоследствии С. Турчанинов высказал критические соображения по поводу методов установления Советской власти в губернии и демонстративно покинул партию, за что советские историки попытались задним числом возложить его партийные обязанности на более героичную с точки зрения 1917 г. фигуру – Николая Кардашева. Мартовское же объединение с меньшевиками в советской литературе считалось досадной неприятностью, допущенной ренегатом Турчаниновым [5, с. 17].

Одновременно с организационной составляющей встал ребром вопрос о политической программе и целевой ориентации на конкретные социальные группы. С наиболее проработанной программой выступила партия конституционных демократов. Они предложили передать официальную власть земству [6, л. 1], считали необходимым строительство дешевого жилья, усиление муниципального влияния в сфере коммунальных услуг, медицинского и продовольственного обслуживания. В самом остром – земельном – вопросе кадеты признавали возможность социализации земель. Однако рассчитывали, что Учредительное собрание сможет принять альтернативное решение. Интересно, что в марте отложить решение аграрного вопроса до Учредительного собрания соглашались и большевики. Своего решения кадеты требовали и для городской земли, считая необходимым прекратить продажи городских участков в частную собственность.

Прогрессивный характер политической программы либералов нашел свое отражение во «введении» бесплатного образования и медицины, организации профессионального образования [там же, л. 1 об.]. Некоторое недоумение вызывают их требования отмены цензуры и введение свободы профсоюзов – с учетом того, что эти положения получили свое жизненное воплощение сразу с началом Февральского переворота. Не могли вызвать крестьянского сочувствия кадетская критика чересполосицы и самовольных захватов помещичьих земель. Доводы об угрозе обрушения банковской сферы не могли конкурировать в губернии, где более 90 % населения составляли крестьяне и где социалисты пропагандировали безвозмездную передачу земли. Правда, на 8-м съезде партии в мае 1917 г. кадеты все-таки признали возможность конфискации земель сверх трудовой нормы [7, с. 275].

Кадеты потеряли инициативу в первые же недели революции. В первую очередь тому виной их собственная неуверенность, неустойчивость положения партийной организации, неумение (или нежелание) организовать митинги под либеральными знаменами и неохотное посещение митингов рабочих. Выяснилось, что партия среднего класса не умела работать

с толпами в уличных условиях, а ее несколько сдержанная программа не могла конкурировать с простыми и короткими социалистическими лозунгами. Аналогичным образом велась работа с молодежью. Стоит ли говорить, что и деревня осталась вне сферы их влияния. С учетом того, что эсеры контролировали подавляющее большинство волостей, им удалось надежно блокировать любую бумажную агитацию (кроме их собственной, разумеется).

Майские корректировки оказались бессильны изменить ситуацию, хотя партия продолжила сохранять популярность средних городских слоев, что позднее нашло свое отражение в результатах выборов в Учредительное собрание. Дополнительным препятствием к увеличению формальной численности служили высокие членские взносы в партию, в то время как ПСР и Российская социал-демократическая рабочая партия (большевиков) (далее – РСДРП(б)) принимали всех подряд. В апреле в воронежской городской организации кадетов числились всего 120 человек [8]. Для сравнения, большевики имели в своих рядах от 400 до 500 человек [9, с. 29]. К партии, прежде всего, примкнули городские служащие и интеллигенция [7, с. 267].

Гораздо более динамично развивались социалистические партии, оказавшиеся наиболее востребованными общественным мнением. В марте–июле 1917 г. наибольшие организационные и политические навыки проявили уже имевшие некоторый опыт подпольной работы эсеры. При этом они вовсе не собирались играть в благородных рыцарей, создавая вокруг себя постоянный информационный фон, используемый для беспощадной критики своих возможных соперников. В своей агитации они не стеснялись двойной игры. В одном из агитационных плакатов они обвинили кадетов, что те выступают за войну до победного конца, мешают работе Совета, боятся затронуть интересы имущих слоев [6, л. 45]. Большевики обвинили в обратном – в том, что те требуют прекращения войны, мешают городской Думе и повинны в анархии. Себя же эсеры объявили в этом плакате сторонниками скорейшего мира, твердой власти и единения революционной элиты [там же].

Сразу после Февральской революции воронежские эсеры выступили с программой, включавшей в себя требование парламентской республики, отмены частной собственности на землю, право народов на самоопределение, бесплатных медицины и образования, охраны труда, замены постоянной армии ополчением, отмены сословного деления и национализации крупной промышленности [10, л. 221].

Программы либералов и социалистов были настолько близки, что различие между ними выдавала только муниципальная программа. Даже в земельном вопросе не заметно принципиальной разницы.

Активная работа эсеров позволила им закрепить себя и в самом Воронеже, и среди крестьянства, в волостных комитетах. Расчетливым ходом стало образование Крестьянского союза, создавшего у крестьян впечатление о том, что это их собственная организация. Очевидно, именно с участниками Крестьянского союза, который к октябрю имел свои филиалы более чем в сотне волостей губернии, и следует соотносить 100-тысячную численность ПСР, объявленную эсерами на третьем губернском съезде в Воронеже 5–8 октября [11, л. 34]. Другое дело, насколько эти данные отражали реальность и какой процент партийных билетов был выдан фиктивно – для увеличения статистики.

Так или иначе, если эсеры уже имели политический багаж в деревне, то большевикам еще только предстояло создать свой собственный образ, особенно в свете того, что в глазах широкой публики они сливались с меньшевиками в едином облике социал-демократа.

Программа большевиков в марте–апреле 1917 г. во многом схожа с эсерами и даже кадетами. Она включала в себя республиканскую форму правления, 8-часовой рабочий день и решение основных вопросов революции посредством Учредительного собрания. Принципиальным отличием с самого начала выступила конфискация частновладельческих земель [12, с. 27]. К маю, в силу влияния Апрельских тезисов В. И. Ленина, в позиции большевиков появились отказ от поддержки Временного правительства и требование перехода власти к Советам. В рамках муниципальной программы те же, что и у остальных, требования всеобщего бесплатного образования, решения жилищного вопроса и пр. [13].

Трудности, с которыми столкнулись большевики весной 1917 г., носили организационный и идеологический характер. Остро стояла задача организации городского комитета, придания ему устойчивости. Отдельный вопрос составляло сотрудничество с меньшевиками. И те и другие нуждались друг в друге, особенно на стадии самоидентификации и поиска сторонников – как в Воронеже, так и в уездных городах. Немногочисленные социал-демократы вплоть до возвращения в Россию В. И. Ленина имели вполне сносные отношения. На одном из первых собраний социал-демократов Турчанинов, ставя вопрос о «воссоздании единой российской социал-демократической рабочей партии», аргументировал ее обоснованность незначительными идеологическими различиями. Более того, выдвинутый 22 апреля на 7-ю Всероссийскую конференцию РСДРП(б) Н. Н. Кардашев получил задание отстаивать идею объединения. Вождя мирового пролетариата идея не вдохновила.

Большевики, предпринявшие попытки обострения ситуации после критики В. И. Ленина [14, с. 410],

вызвали недовольство группы меньшевиков, которые предпочли создать собственную городскую организацию, объяснив свою позицию через «Воронежский телеграф» [15]. В заявлении меньшевиков, посвященном объяснению причин раскола, отмечались максимализм большевиков, их уход, с точки зрения первых, от догм марксизма к «элементарному бунтарству» [16, с. 36]. Впоследствии советская историография укоряла меньшевиков в предательстве классовых интересов пролетариата, например, участием в создании и работе Комитета объединенных общественных организаций – творении местной интеллигенции [14, с. 9]. Но тогда – весной 1917 г. – уход меньшевиков, даже несмотря на то, что именно к этому и призывал большевистский Центр, воспринимался болезненно. Расстроены большевики попытались сделать вид, будто размолвка носит временный характер – резолюция собрания гласила, что «общее собрание Воронежской С.-Д. Р.П. не находит достаточных оснований для разъединения, продолжает считать себя организацией объединенной и переходит к очередным делам» [там же, с. 42].

РСДРП(б), позиционировавшая себя как защитница пролетариата, столкнулась с неприятной реальностью: рабочие оказались в них не заинтересованы. По крайней мере, поначалу. Сами большевики объясняли это мещанской психологией рабочих, привыкших трудиться на малых предприятиях [17, с. 36]. Турчанинов в числе причин высочайшей степени популярности эсеров на первом этапе Февральской революции указывал на крестьянское происхождение большинства рабочих [18, л. 26]. Деревня, в свою очередь, была для них закрыта эсеровскими кордонами. Ведение агитационной работы в подобных условиях представлялось особенно сложным. В числе причин политических провалов весеннего периода необходимо выделить хаотичность и индивидуализм в партийной работе – не было единой фракции в Совете (решение о создании таковой появилось только 14 мая), не существовало единого плана действий. Даже городское собрание проходило от случая к случаю – майское заседание, ставшее последним для единой организации, стало всего лишь пятым с начала революции.

В свою очередь, эсеры изначально сделали ставку на выборы в Учредительное собрание, поэтому в кратчайшие сроки мобилизовали все имеющиеся ресурсы для массового охвата крестьянства как главного поставщика голосов, в то время как большевики вплоть до приезда Моисеева находились в некоторой растерянности и предпочли сосредоточиться на Воронеже. Из уездных большевистских ячеек наиболее плодотворно поработали в Новохоперске и Острогжске, где общая численность ячеек к октябрю достигла порядка 250 и 100 человек соответственно

[5, с. 34]. Пусть и не так быстро, но росла численность и воронежской ячейки – от 400 в апреле до 1200 в августе.

Важную роль в развитии уездных ячеек играли личный энтузиазм и организаторские способности местных большевиков, как, например, в Новохоперске, где успешная работа ячейки лежала на плечах вернувшегося после Февральской революции участника событий еще 1905 г. Андрея Буханцова [19, с. 252] и прапорщика Евгения Плотникова (именами обоих большевиков названы улицы). Их энергичные усилия помогли большевикам составить мощную конкуренцию партии эсеров – были одержаны победы на выборах в земскую управу и на должность городского головы.

В Воронеже фактором успеха стала не только антивоенная агитация и пропаганда радикальных идей, но и подача информации в массы. Печатная агитация, налаженная А. С. Моисеевым, сумела привлечь симпатии части рабочих на сторону большевиков.

В битве за голоса не нашлось места благородству. Например, со стороны ПСР на большевиков сыпались обвинения в измене России и сотрудничестве с Германией (что очень болезненно и агрессивно воспринималось слушающими и приводило к потасовкам), а уездных кадетов запугивали физически, не давая им поднять головы.

Таким образом, характеризуя особенности партийной деятельности в Воронеже после начала Февральской революции, мы можем отметить несколько моментов. Несмотря на опыт легальной политической работы, кадетам не удалось сохранить своего преимущества, в результате чего они постепенно утратили доступ к власти в масштабах города и губернии. Аналогичным образом сложилась судьба октябристов. Страстное желание обществом перемен нашло свою персонификацию в леворадикальных партиях, в то время как либералы воспринимались в качестве пережитка царского времени. При этом на первом этапе революции политические программы либералов и социалистов партий имели ряд схожих положений. Лишь к концу весны можно говорить о формировании принципиальных различий, вызванных размежеванием политических сил в Петрограде, за которым по инерции потянулись провинциальные политики.

Для всех партий без исключения была характерна концентрация деятельности на уровне губернского города, в то время как связь с уездными ячейками оставалась неустойчивой и эпизодичной, в чем они сами и признавались. Когда в конце сентября они созвали губернскую партийную конференцию, на нее прибыли представители только 6 уездов.

Важную роль в развитии местной РСДРП(б) сыграли приезжие активисты, планомерно по ходу

весны–лета 1917 г. включавшиеся в местную партийную работу. Приезд таких деятелей, как А. Моисеев, И. Врачев, Н. Рабичева, и других большевиков помог существо усилить работу местного комитета партии. Характерный большевикам радикализм начал проявляться только в мае. На первых же порах большевики охотно сотрудничали с меньшевиками и даже были согласны отложить решение основных вопросов революции до созыва Учредительного собрания. Агрессивность партийной позиции прививалась местным большевикам из центра, а также прибывшими весной–летом 1917 г. столичными большевиками.

При этом крестьяне с трудом различали между собой социалистические партии [20]. Отсюда важная для них задача информационного размежевания и создание собственного, узнаваемого образа. Эсеры сумели сыграть на сложностях социально-экономического развития, вызванных сокращением среднедушевого надела и невысокой доходностью крестьянских хозяйств. К тому же они были хорошо знакомы крестьянам еще по дореволюционной деятельности (впоследствии органы ОГПУ-НКВД упоминали это обстоятельство как одну из причин крестьянских восстаний рубежа 1920–1930-х гг.). Не имея в деревне конкуренции со стороны иных партий, эсеры с первых же дней стали хозяевами положения.

В то же время монархическое движение, еще перед революцией находившееся в состоянии глубокого кризиса, окончательно сошло с политической сцены города сразу после начала революции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ленин В. И. Полное собрание сочинений : в 55 т. / В. И. Ленин. – М. : Госполитиздат, 1970. – Т. 47. – 474 с.
2. Политические деятели России. 1917 / гл. ред. П. В. Волобуев. – М. : Большая Российская энциклопедия, 1993. – 432 с.
3. Государственный архив Воронежской области (далее – ГА ВО). – Ф. Р-2393. – Оп. 1. – Д. 10.
4. Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области (далее – ГАОПИ ВО). – Ф. 5. – Оп. 1. – Д. 447.

Воронежский институт МВД России
Зверков Е. А., кандидат исторических наук, доцент
кафедры социально-гуманитарных, экономических и
правовых дисциплин
E-mail: ZverkovPhD@yandex.ru

5. Воронков И. Г. Воронежские большевики в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции / И. Г. Воронков. – Воронеж : Воронежское книжное издательство, 1957. – 83 с.

6. ГА ВО. – Ф. И-216. – Оп. 1. – Д. 1.

7. Михалев О. Ю. Воронежская организация конституционно-демократической партии (1915–1917 гг.) : дис. ... канд. ист. наук / О. Ю. Михалев. – Воронеж, 2001. – 342 с.

8. В к.-д. партии // Воронежский телеграф. – 1917. – 15 апр.

9. Морев П. Г. Крестьянское движение в Воронежской губернии накануне Октябрьской революции (март – окт. 1917 г.) / П. Г. Морев. – Воронеж : Издательство ВГУ, 1961. – 103 с.

10. ГА ВО. – Ф. И-214. – Оп. 1. – Д. 3.

11. ГАОПИ ВО. – Ф. 5. – Оп. 1. – Д. 460.

12. Поливанов А. С. Революционные события в Воронеже в 1917 году (материал для студентов) / А. С. Поливанов. – Воронеж : [Коммуна], 1967. – 112 с.

13. Листовка «Муниципальная платформа по выборам в городскую думу Воронежской организации РСДРП (большевиков)» // Борьба за Советскую власть в Воронежской губернии. 1917–1918 гг. : сб. документов и материалов. – Воронеж, 1957. – С. 52–54.

14. Очерки истории Воронежского края. [Т. 1] С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции / под ред. Е. Г. Шуляковского. – Воронеж : Издательство Воронеж. ун-та, 1961. – 521 с.

15. Организация меньшевиков // Воронежский телеграф. – 1917. – 30 апр.

16. Лавыгин Б. М. 1917 год в Воронежской губернии / Б. М. Лавыгин. – Воронеж, 1928. – 178 с.

17. Рабичев Н. Н. Октябрьские дни в Воронеже / Н. Н. Рабичев. – Воронеж : Коммуна, 1934. – 78 с.

18. ГАОПИ ВО. – Ф. 5. – Оп. 1. – Д. 499.

19. Васильева Г. Подарок из Новохоперска / Г. Васильева // В. И. Ленин и воронежцы / [сост. А. М. Аббасов, Р. Г. Демидов]. – Воронеж : Центрально-Черноземное книжное издательство, 1990. – С. 248–256.

20. Дмитриева В. Крестьянский съезд / В. Дмитриева // Воронежский телеграф. – 1917. – 22 апр.

Voronezh Institute of Russian Ministry of Internal Affairs
Zverkov E. A., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Sociohumanitarian, Economic and Law Disciplines
E-mail: ZverkovPhD@yandex.ru